Дорогому Сергію Николаевичу Булгакову
от автора

[illegible]

ВОЙНА и КУЛЬТУРА.

Николай Бердяевъ.

ДУША РОССІИ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА.—1915.

ФОНД РЕДКИХ
ИЗДАНИЙ

209964

ДУША РОССІИ.

I.

Міровая война остро ставитъ вопросъ о русскомъ національномъ самосознаніи. Русская національная мысль чувствуетъ потребность и долгъ разгадать загадку Россіи, понять идею Россіи, опредѣлить ея задачу и мѣсто въ мірѣ. Всѣ чувствуютъ въ нынѣшній міровой день, что Россія стоитъ передъ великими и міровыми задачами. Но это глубокое чувство сопровождается сознаніемъ неопредѣленности, почти неопредѣлимости этихъ задачъ. Съ давнихъ временъ было предчувствіе, что Россія предназначена къ чему-то великому, что Россія—особенная страна, не похожая ни на какую страну міра. Русская національная мысль питалась чувствомъ богоизбранности и богоносности Россіи. Идетъ это отъ старой идеи Москвы, какъ Третьяго Рима, черезъ славянофильство—къ Достоевскому, Владиміру Соловьеву и къ современнымъ неославянофиламъ. Къ идеямъ этого порядка прилипло много фальши и лжи, но отразилось въ нихъ и что-то подлинно народное, подлинно русское. Не можетъ человѣкъ всю жизнь чувствовать какое-то особенное и великое призваніе и остро сознавать его въ періоды наибольшаго духовнаго подъема, если человѣкъ этотъ ни

къ чему значительному не призванъ и не предназначенъ. Это біологически невозможно. Невозможно это и въ жизни цѣлаго народа.

Россія не играла еще опредѣляющей роли въ міровой жизни, она не вошла еще по настоящему въ жизнь европейскаго человѣчества. Великая Россія все еще оставалась уединенной провинціей въ жизни міровой и европейской, ея духовная жизнь была обособлена и замкнута. Россіи все еще не знаетъ міръ, искаженно воспринимаетъ ея образъ и ложно и поверхностно о немъ судитъ. Духовныя силы Россіи не стали еще имманентны культурной жизни европейскаго человѣчества. Для западнаго культурнаго человѣчества Россія все еще остается совершенно трансцендентной, какимъ-то чуждымъ Востокомъ, то притягивающимъ своей тайной, то отталкивающимъ своимъ варварствомъ. Даже Толстой и Достоевскій привлекаютъ западнаго культурнаго человѣка, какъ экзотическая пища, непривычно для него острая. Многихъ на Западѣ влечетъ къ себѣ таинственная глубина русскаго Востока. Но все еще не наступало время признанія за духовной жизнью христіанскаго Востока равноправія съ духовной жизнью Запада. На Западѣ еще не почувствовали, что духовныя силы Россіи могутъ опредѣлять и преображать духовную жизнь Запада, что Толстой и Достоевскій идутъ на смѣну властителямъ думъ Запада для самаго Запада и внутри его. Свѣтъ съ Востока видѣли лишь немногія избранныя индивидуальности. Русское государство давно уже признано великой державой, съ которой должны считаться всѣ государства міра, и которая играетъ видную роль въ международной политикѣ. Но духовная

культура Россіи,—то ядро жизни, по отношенію къ которому сама государственность есть лишь поверхностная оболочка, не занимаетъ еще великодержавнаго положенія въ мірѣ. Духъ Россіи не можетъ еще диктовать народамъ тѣхъ условій, которыя можетъ диктовать русская дипломатія. Славянская раса не заняла еще въ мірѣ того положенія, которое заняла раса латинская или германская. Вотъ, что должно въ корнѣ измѣниться послѣ нынѣшней великой войны, которая являетъ собой совершенно небывалое историческое соприкосновеніе и сплетеніе восточнаго и западнаго человѣчества. Великій раздоръ войны долженъ привести къ великому соединенію Востока и Запада. Творческій духъ Россіи займетъ, наконецъ, великодержавное положеніе въ духовномъ міровомъ концертѣ. То, что совершалось въ нѣдрахъ русскаго духа, перестанетъ уже быть провинціальнымъ, отдѣльнымъ и замкнутымъ, станетъ міровымъ и общечеловѣческимъ, не восточнымъ только, но и западнымъ. Для этого давно уже созрѣли потенціальныя духовныя силы Россіи. Война 1914 года гораздо глубже и сильнѣе вводитъ Россію въ водоворотъ міровой жизни и спаиваетъ европейскій Востокъ съ европейскимъ Западомъ, чѣмъ война 1812 года. Уже можно предвидѣть, что въ результатѣ этой войны Россія въ такой же мѣрѣ станетъ окончательно Европой, въ какой Европа признаетъ духовное вліяніе Россіи на свою внутреннюю жизнь. Бьетъ тотъ часъ міровой исторіи, когда славянская раса во главѣ съ Россіей призывается къ опредѣляющей роли въ жизни человѣчества. Передовая германская раса истощитъ себя въ милитаристическомъ имперіализмѣ. Призванность славянства пред-

чувствовали многіе чуткіе люди на Западѣ. Но осуществленіе міровыхъ задачъ Россіи не можетъ быть предоставлено произволу стихійныхъ силъ исторіи. Необходимы творческія усилія національнаго разума и національной воли. И если народы Запада принуждены будутъ, наконецъ, увидѣть единственный ликъ Россіи и признать ея призваніе, то остается все еще неяснымъ, сознаемъ ли мы сами, что есть Россія и къ чему она призвана? Для насъ самихъ Россія остается неразгаданной тайной. Россія—противорѣчива, антиномична. Душа Россіи не покрывается никакими доктринами. Тютчевъ сказалъ про свою Россію:

„Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить:
У ней особенная стать—
Въ Россію можно только вѣрить“.

И по истинѣ можно сказать, что Россія непостижима для ума и не измѣрима никакими аршинами доктринъ и ученій. А вѣритъ въ Россію каждый по-своему и каждый находитъ въ полномъ противорѣчій бытіи Россіи факты для подтвержденія своей вѣры. Подойти къ разгадкѣ тайны, сокрытой въ душѣ Россіи, можно сразу же признавъ антиномичность Россіи, жуткую ея противорѣчивость. Тогда русское самосознаніе освобождается отъ лживыхъ и фальшивыхъ идеализацій, отъ отталкивающаго бахвальства, равно какъ и отъ безхарактернаго космополитическаго отрицанія и иноземнаго рабства.

Противорѣчія русскаго бытія всегда находили себѣ отраженіе въ русской литературѣ и русской философской мысли. Творчество русскаго духа такъ

же двоится, какъ и русское историческое бытіе. Это яснѣе всего видно на самой характерной нашей національной идеологіи—славянофильствѣ и на величайшемъ нашемъ національномъ геніи — Достоевскомъ,—русскомъ изъ русскихъ. Вся парадоксальность и антиномичность русской исторіи отпечатлѣлась на славянофилахъ и Достоевскомъ. Ликъ Достоевскаго такъ же двоится, какъ и ликъ самой Россіи, и вызываетъ чувства самыя противоположныя. Бездонная глубь и необъятная высь сочетаются съ какой-то низостью, неблагородствомъ, отсутствіемъ достоинства, рабствомъ. Безконечная любовь къ людямъ, по истинѣ Христова любовь, сочетается съ человѣконенавистничествомъ и жестокостью. Жажда абсолютной свободы во Христѣ (Великій Инквизиторъ) мирится съ рабьей покорностью. Не такова ли и сама Россія?

Россія—самая безгосударственная, самая анархическая страна въ мірѣ. И русскій народъ—самый аполитическій народъ, никогда не умѣвшій устраивать свою землю. Всѣ подлинно русскіе, національные наши писатели, мыслители, публицисты,—всѣ были безгосударственниками, своеобразными анархистами. Анархизмъ—явленіе русскаго духа, онъ по разному былъ присущъ и нашимъ крайнимъ лѣвымъ и нашимъ крайнимъ правымъ. Славянофилы и Достоевскій—такіе же въ сущности анархисты, какъ и Михаилъ Бакунинъ или Крапоткинъ. Эта анархическая русская природа нашла себѣ геніальное выраженіе въ религіозномъ анархизмѣ Льва Толстого. Русская интеллигенція, хотя и зараженная поверхностными позитивистическими идеями, была чисто русской въ своей безгосударственности. Въ

лучшей, героической своей части она стремилась къ абсолютной свободѣ и правдѣ, невмѣстимой ни въ какую государственность. Наше народничество,— явленіе характерно-русское, незнакомое западной Европѣ, есть явленіе безгосударственнаго духа. И русскіе либералы всегда были скорѣе гуманистами, чѣмъ государственниками. Никто не хотѣлъ власти, всѣ боялись власти, какъ нечистоты. Наша православная идеологія самодержавія—такое же явленіе безгосударственнаго духа, отказъ народа и общества создавать государственную жизнь. Славянофилы сознавали, что ихъ ученіе о самодержавіи было своеобразной формой отрицанія государства. Всякая государственность представлялась позитивистической и раціоналистической. Русская душа хочетъ священной общественности, богоизбранной власти. Природа русскаго народа сознается, какъ аскетическая, отрекающаяся отъ земныхъ дѣлъ и земныхъ благъ. Наши лѣвыя и революціонныя направленія не такъ уже глубоко отличаются въ своемъ отношеніи къ государству отъ направленій правыхъ и славянофильскихъ,—въ нихъ есть значительная доза славянофильскаго и аскетическаго духа. Такіе идеологи государственности, какъ Катковъ или Чичеринъ, всегда казались не русскими, какими-то иностранцами на русской почвѣ, какъ иностранной, не русской всегда казалась бюрократія, занимавшаяся государственными дѣлами,— не русскимъ занятіемъ. Въ основѣ Русской исторіи лежитъ знаменательная легенда о призваніи варягъ-иностранцевъ для управленія русской землей, такъ какъ «земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ». Какъ характерно это для роковой неспособности и неже-

ланія русскаго народа самому устраивать порядокъ въ своей землѣ! Русскій народъ какъ будто бы хочетъ не столько свободнаго государства, свободы въ государствѣ, сколько свободы отъ государства, свободы отъ заботъ о земномъ устройствѣ. Русскій народъ не хочетъ быть мужественнымъ строителемъ, его природа опредѣляется какъ женственная, пассивная и покорная въ дѣлахъ государственныхъ, онъ всегда ждетъ жениха, мужа, властелина. Россія—земля покорная, женственная. Пассивная, рецептивная женственность въ отношеніи къ государственной власти—такъ характерна для русскаго народа и для русской исторіи. Нѣтъ предѣловъ смиренному терпѣнію многострадальнаго русскаго народа. Государственная власть всегда была внѣшнимъ, а не внутреннимъ принципомъ для безгосударственнаго русскаго народа; она не изъ него созидалась, а приходила какъ бы извнѣ, какъ женихъ приходитъ къ невѣстѣ. И потому такъ часто власть производила впечатлѣніе иноземной, какого-то нѣмецкаго владычества. Русскіе радикалы и русскіе консерваторы одинаково думали, что государство—это «они», а не «мы». Очень характерно, что въ русской исторіи не было рыцарства, этого мужественнаго начала. Съ этимъ связано недостаточное развитіе личнаго начала въ русской жизни. Русскій народъ всегда любилъ жить въ теплѣ коллектива, въ какой-то растворенности въ стихіи земли, въ лонѣ матери. Рыцарство куетъ чувство личнаго достоинства и чести, создаетъ закалъ личности. Этого личнаго закала не создавала русская исторія. Въ русскомъ человѣкѣ есть мягкотѣлость, въ русскомъ лицѣ нѣтъ вырѣзаннаго и выточеннаго профиля. Платонъ Каратаевъ

у Толстого—круглый. Русскій анархизмъ—женственный, а не мужественный, пассивный, а не активный. И бунтъ Бакунина есть погруженіе въ хаотическую русскую стихію. Русская безгосударственность—не завоеваніе себѣ свободы, а отданіе себя, свобода отъ активности. Русскій народъ хочетъ быть землей, которая невѣстится, ждетъ мужа. Всѣ эти свойства Россіи были положены въ основу славянофильской философіи исторіи и славянофильскихъ общественныхъ идеаловъ. Но славянофильская философія исторіи не хочетъ знать антиномичности Россіи, она считается только съ однимъ тезисомъ русской жизни. Въ ней есть антитезисъ. И Россія не была бы такъ таинственна, если бы въ ней было только то, о чемъ мы сейчасъ говорили. Славянофильская философія русской исторіи не объясняетъ загадки превращенія Россіи въ величайшую имперію въ мірѣ или объясняетъ слишкомъ упрощенно. И самымъ кореннымъ грѣхомъ славянофильства было то, что природно-историческія черты русской стихіи они приняли за христіанскія добродѣтели.

Россія—самая государственная и самая бюрократическая страна въ мірѣ; все въ Россіи превращается въ орудіе политики. Русскій народъ создалъ могущественнѣйшее въ мірѣ государство, величайшую имперію. Съ Ивана Калиты послѣдовательно и упорно собиралась Россія и достигла размѣровъ потрясающихъ воображеніе всѣхъ народовъ міра. Силы народа, о которомъ не безъ основанія думаютъ, что онъ устремленъ къ внутренней духовной жизни, отдаются колоссу государственности, превращающему все въ свое орудіе. Интересы созиданія, поддержанія и охраненія огромнаго государства занимаютъ совер-

шенно исключительное и подавляющее мѣсто въ русской исторіи. Почти не оставалось силъ у русскаго народа для свободной творческой жизни, вся кровь шла на укрѣпленіе и защиту государства. Классы и сословія слабо были развиты и не играли той роли, какую играли въ исторіи западныхъ странъ. Личность была придавлена огромными размѣрами государства, предъявлявшаго непосильныя требованія. Бюрократія развилась до размѣровъ чудовищныхъ. Русская государственность занимала положеніе сторожевое и оборонительное. Она выковывалась въ борьбѣ съ татарщиной, въ смутную эпоху, въ иноземныя нашествія. И она превратилась въ самодавлѣющее отвлеченное начало; она живетъ своей собственной жизнью, по своему закону, не хочетъ быть подчиненной функціей народной жизни. Эта особенность русской исторіи наложила на русскую жизнь печать безрадостности и придавленности. Невозможна была свободная игра творческихъ силъ человѣка. Власть бюрократіи въ русской жизни была внутреннимъ нашествіемъ нѣметчины. Нѣметчина какъ-то органически вошла въ русскую государственность и владѣла женственной и пассивной русской стихіей. Земля русская не того приняла за своего суженаго, ошиблась въ женихѣ. Великія жертвы понесъ русскій народъ для созданія русскаго государства, много крови пролилъ, но самъ остался безвластнымъ въ своемъ необъятномъ государствѣ. Чуждъ русскому народу имперіализмъ въ западномъ и буржуазномъ смыслѣ слова, но онъ покорно отдавалъ свои силы на созданіе имперіализма, въ которомъ сердце его не было заинтересовано. Здѣсь скрыта тайна русской исторіи и русской души. Никакая

философіи исторіи,. славянофильская или западническая, не разгадала еще, почему самый безгосударственный народъ создалъ такую огромную и могущественную государственность, почему самый анархическій народъ такъ покоренъ бюрократіи, почему свободный духомъ народъ какъ будто бы не хочетъ свободной жизни? Эта тайна связана съ особеннымъ соотношеніемъ женственнаго и мужественнаго начала въ русскомъ народномъ характерѣ. Та же антиномичность проходитъ черезъ все русское бытіе.

Таинственное противорѣчіе есть въ отношеніи Россіи и русскаго сознанія къ національности. Это—вторая антиномія, не меньшая по значенію, чѣмъ отношеніе къ государству. Россія—самая не шовинистическая страна въ мірѣ. Націонализмъ у насъ всегда производитъ впечатлѣніе чего-то нерусскаго, наноснаго, какой-то нѣметчины. Нѣмцы, англичане, французы — шовинисты и націоналисты въ массѣ, они полны національной самоувѣренности и самодовольства. Русскіе почти стыдятся того, что они русскіе; имъ чужда національная гордость и часто даже—увы!—чуждо національное достоинство. Русскому народу совсѣмъ не свойственъ агрессивный націонализмъ, наклонности насильственной руссификаціи. Русскій не выдвигается, не выставляется, не презираетъ другихъ. Въ русской стихіи поистинѣ есть какое-то національное безкорыстіе, жертвенность, невѣдомая западнымъ народамъ. Русская интеллигенція всегда съ отвращеніемъ относилась къ націонализму и гнушалась имъ, какъ нечистью. Она исповѣдывала исключительно сверхнаціональные идеалы. И какъ ни поверхностны, какъ ни банальны были космополитическія доктрины интеллигенціи, въ

нихъ все-таки хоть искаженно, но отражался сверхнаціональный, всечеловѣческій духъ русскаго народа. Интеллигенты - отщепенцы въ извѣстномъ смыслѣ были болѣе національны, чѣмъ наши буржуазные націоналисты, по выраженію лица своего похожіе на буржуазныхъ націоналистовъ всѣхъ странъ. Человѣкъ иного, не интеллигентскаго духа—національный геній Левъ Толстой— былъ поистинѣ русскимъ въ своей религіозной жаждѣ преодолѣть всякую національную ограниченность, всякую тяжесть національной плоти. И славянофилы не были націоналистами въ обычномъ смыслѣ этого слова. Они хотѣли вѣрить, что въ русскомъ народѣ живетъ всечеловѣческій христіанскій духъ, и они возносили русскій народъ за его смиреніе. Достоевскій прямо провозгласилъ, что русскій человѣкъ—всечеловѣкъ, что духъ Россіи—вселенскій духъ, и миссію Россіи онъ понималъ не такъ, какъ ее понимаютъ націоналисты. Націонализмъ новѣйшей формаціи есть несомнѣнная европеизація Россіи, обезличивающее реакціонно-консервативное западничество на русской почвѣ. И Катковъ, идеологъ націонализма, былъ западникомъ, никогда не былъ выразителемъ русскаго народнаго духа. Катковъ былъ апологетомъ и рабомъ какой-то чуждой государственности, какого-то «отвлеченнаго начала». Сверхнаціонализмъ, универсализмъ—такое же существенное свойство русскаго національнаго духа, какъ и безгосударственность, анархизмъ. Національенъ въ Россіи именно ея сверхнаціонализмъ, ея свобода отъ націонализма; въ этомъ самобытна Россія и непохожа ни на одну страну міра. Россія призвана быть освободительницей народовъ. Эта миссія заложена въ ея особенномъ духѣ. И спра-

ведливость міровыхъ задачъ Россіи предопредѣлена уже духовными силами исторіи. Эта миссія Россіи выявляется въ нынѣшнюю войну. Россія не имѣетъ корыстныхъ стремленій.

Таковъ одинъ тезисъ о Россіи, который съ правомъ можно высказать. Но есть и антитезисъ, который не менѣе обоснованъ. Россія—самая націоналистическая страна въ мірѣ, страна невиданныхъ эксцессовъ націонализма, угнетенія подвластныхъ національностей, руссификацій, страна національнаго бахвальства, страна, въ которой все націонализировано вплоть до вселенской церкви Христовой, страна, почитающая себя единственной призванной и отвергающая всю Европу, какъ гниль и исчадіе діавола, обреченное на гибель. Обратной стороной русскаго смиренія является необычайное русское самомнѣніе. Самый смиренный и есть самый великій, самый могущественный, единственный призванный. «Русское» и есть праведное, доброе, истинное, божественное. Россія—«святая Русь». Россія грѣшна, но и въ грѣхѣ своемъ она остается святой страной,—страной святыхъ, живущей идеалами святости. Вл. Соловьевъ смѣялся надъ увѣренностью русскаго національнаго самомнѣнія въ томъ, что всѣ святые говорили по-русски. Тотъ же Достоевскій, который проповѣдывалъ всечеловѣка и призывалъ къ вселенскому духу, проповѣдывалъ и самый изувѣрскій націонализмъ, травилъ поляковъ и евреевъ, отрицалъ за Западомъ всякія права быть христіанскимъ міромъ. Русское національное самомнѣніе всегда выражается въ томъ, что Россія почитаетъ себя не только самой христіанской, но и единственной христіанской страной въ мірѣ. Католичество совсѣмъ не признается христіан-

ствомъ. И въ этомъ всегда былъ одинъ изъ духовныхъ источниковъ ложнаго отношенія къ польскому вопросу. Россія, по духу своему призванная быть освободительницей народовъ, слишкомъ часто бывала угнетательницей, и потому она вызываетъ къ себѣ вражду и подозрительность, которыя мы теперь должны еще побѣдить.

Русская исторія явила совершенно исключительное зрѣлище — полнѣйшую національзацію церкви Христовой, которая опредѣляетъ себя, какъ вселенскую. Церковный націонализмъ—характерное русское явленіе. Имъ насквозь пропитано наше старообрядчество. Но тотъ же націонализмъ царитъ и въ господствующей церкви. Тотъ же націонализмъ проникаетъ и въ славянофильскую идеологію, которая всегда подмѣняла вселенское русскимъ. Вселенскій духъ Христовъ, мужественный вселенскій логосъ плѣненъ женственной національной стихіей, русской землей въ ея языческой первородности. Такъ образовалась религія растворенія въ матери-землѣ, въ коллективной національной стихіи, въ животной теплотѣ. Русская религіозность—женственная религіозность, — религіозность коллективной біологической теплоты, переживаемой, какъ теплота мистическая. Въ ней слабо развито личное религіозное начало; она боится выхода изъ коллективнаго тепла въ холодъ и огонь личной религіозности. Такая религіозность отказывается отъ мужественнаго, активнаго духовнаго пути. Это не столько религія Христа, сколько религія Богородицы, религія матери-земли, женскаго божества, освящающаго плотскій бытъ. В. В. Розановъ въ своемъ родѣ геніальный выразитель этой русской религіи родовой плоти, религіи

размноженія и уюта. Мать-земля для русскаго народа есть Россія. Россія превращается въ Богородицу. Россія—страна богоносная. Такая женственная, національно-стихійная религіозность должна возлагаться на мужей, которые берутъ на себя бремя духовной активности, несутъ крестъ, духовно водительствуютъ. И русскій народъ въ своей религіозной жизни возлагается на святыхъ, на старцевъ, на мужей, въ отношеніи къ которымъ подобаетъ лишь преклоненіе, какъ передъ иконой. Русскій народъ не дерзаетъ даже думать, что святымъ можно подражать, что святость есть внутренній путь духа,— это было бы слишкомъ мужественно-дерзновенно. Русскій народъ хочетъ не столько святости, сколько преклоненія и благоговѣнія передъ святостью, подобно тому какъ онъ хочетъ не власти, а отданія себя власти, перенесенія на власть всего бремени. Русскій народъ въ массѣ своей лѣнивъ въ религіозномъ восхожденіи, его религіозность равнинная, а не горная; коллективное смиреніе дается ему легче, чѣмъ религіозный закалъ личности, чѣмъ жертва теплом и уютомъ національной стихійной жизни. За смиреніе свое получаетъ русскій народъ въ награду этотъ уютъ и тепло коллективной жизни. Такова народная почва націонализаціи церкви въ Россіи. Въ этомъ есть огромная примѣсь религіознаго натурализма, предшествующаго христіанской религіи духа, религіи личности и свободы. Сама христіанская любовь, которая существенно духовна и противоположна связямъ по плоти и крови, натурализировалась въ этой религіозности, обратилась въ любовь къ «своему» человѣку. Такъ крѣпнетъ религія плоти, а не духа, такъ охраняется твердыня религіознаго

матеріализма. На необъятной русской равнинѣ возвышаются церкви, подымаются святые и старцы, но почва равнины еще натуралистическая, быть еще языческій.

Большое дѣло, совершенное Владиміромъ Соловьевымъ для русскаго сознанія, нужно видѣть прежде всего въ его безпощадной критикѣ церковнаго націонализма и всякаго націонализма, въ его вѣчномъ призывѣ къ вселенскому духу Христову, къ освобожденію Христова духа изъ плѣна у національной стихіи, стихіи натуралистической. Въ реакціи противъ церковнаго націонализма Вл. Соловьевъ слишкомъ склонялся къ католичеству, но великая правда его основныхъ стремленій и мотивовъ несомнѣнна и будетъ еще признана Россіей. Вл. Соловьевъ есть истинное противоядіе противъ націоналистическаго антитезиса русскаго бытія. Его христіанская правда въ рѣшеніи вопроса польскаго и еврейскаго всегда должна быть противопоставляема неправдѣ Достоевскаго. Онъ обнаружилъ съ небывшей еще ясностью, что дурное для личности остается дурнымъ и для націи. Если дуренъ эгоизмъ, ненависть, корысть и самомнѣніе для личности, то все это дурно и для націи. Эту совершенно элементарную для христіанскаго сознанія истину необходимо энергично противополагать націоналистическому антитезису русскаго сознанія. Необходимо это дѣлать и донынѣ. Не только у Вл. Соловьева, но и у Л. Толстого есть освобождающая правда противъ неправды старыхъ славянофиловъ и Достоевскаго, питающей націонализмъ казенный. Эта освобождающая правда выявляетъ чистый ликъ Россіи, ея истинный мессіанизмъ. Церковный націонализмъ приводилъ къ госу-

дарственному порабощенію церкви. Церковь, которая есть духовный, мистическій организмъ, пассивно отдавалась синодальной власти нѣмецкаго образца. Загадочная антиномичность Россіи въ отношеніи къ національности связана все съ тѣмъ же невѣрнымъ соотношеніемъ мужественнаго и женственнаго начала, съ неразвитостью и нераскрытостью личности, во Христѣ рожденной и призванной быть женихомъ своей земли, свѣтоноснымъ мужемъ женственной національной стихіи, а не рабомъ ея.

Ту же загадачную антиномичность можно прослѣдить въ Россіи во всемъ. Можно установить неисчислимое количество тезисовъ и антитезисовъ о русскомъ національномъ характерѣ, вскрыть много противорѣчій въ русской душѣ. Россія—страна безграничной свободы духа, страна странничества и исканія Божьей правды. Россія—самая не буржуазная страна въ мірѣ; въ ней нѣтъ того крѣпкаго мѣщанства, которое такъ отталкиваетъ и отвращаетъ русскихъ на Западѣ. Достоевскій, по которому можно изучать душу Россіи, въ своей потрясающей легендѣ о Великомъ Инквизиторѣ былъ провозвѣстникомъ такой дерзновенной и безконечной свободы во Христѣ, какой никто еще въ мірѣ не рѣшался утверждать. Утвержденіе свободы духа, какъ чего-то характерно-русскаго, всегда было существенной особенностью славянофильства. Славянофилы и Достоевскій всегда противополагали внутреннюю свободу русскаго народа, его органическую, религіозную свободу, которую онъ не уступитъ ни за какія блага міра, внутренней несвободѣ западныхъ народовъ, ихъ порабощенности внѣшнимъ. Въ русскомъ народѣ поистинѣ есть свобода духа, которая дается

лишь тому, кто не слишкомъ поглощенъ жаждой земной прибыли и земного благоустройства. Россія—страна бытовой свободы, невѣдомой передовымъ народамъ Запада, закрѣпощеннымъ мѣщанскими нормами. Только въ Россіи нѣтъ давящей власти буржуазныхъ условностей, нѣтъ деспотизма мѣщанской семьи. Русскій человѣкъ съ большой легкостью духа преодолѣваетъ всякую буржуазность, уходитъ отъ всякаго быта, отъ всякой нормированной жизни. Типъ странника такъ характеренъ для Россіи и такъ прекрасенъ. Странникъ—самый свободный человѣкъ на землѣ. Онъ ходитъ по землѣ, но стихія его воздушная, онъ не вросъ въ землю, въ немъ нѣтъ приземистости. Странникъ—свободенъ отъ «міра» и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него къ небольшой котомкѣ на плечахъ. Величіе русскаго народа и призванность его къ высшей жизни сосредоточены въ типѣ странника. Русскій типъ странника нашелъ себѣ выраженіе не только въ народной жизни, но и въ жизни культурной, въ жизни лучшей части интеллигенціи. И здѣсь мы знаемъ странниковъ, свободныхъ духомъ, ни къ чему не прикрѣпленныхъ, вѣчныхъ путниковъ, ищущихъ невидимаго града. Повѣсть о нихъ можно прочесть въ великой русской литературѣ. Странниковъ въ культурной, интеллигентной жизни называютъ то скитальцами русской земли, то отщепенцами. Есть они уже у Пушкина и Лермонтова, потомъ у Толстого и Достоевскаго. Духовные странники всѣ эти Раскольниковы, Мышкины, Ставрогины, Версиловы и князь Андрей и Пьеръ Безухій. Странники града своего не имѣютъ, они града грядущаго ищутъ. Вл. Соловьевъ всегда чувствовалъ себя не

обывателемъ и мѣщаниномъ этой земли, а лишь пришельцемъ и странникомъ, не имѣющимъ своего дома. Таковъ былъ Сковорода—странникъ-мудрецъ изъ народа въ XVIII вѣкѣ. Духовное странствованіе есть въ Лермонтовѣ, въ Гоголѣ, есть въ Л. Толстомъ и Достоевскомъ, а на другомъ концѣ—у русскихъ анархистовъ и революціонеровъ, стремящихся по своему къ абсолютному, выходящему за грани всякой позитивной и зримой жизни. Тоже есть и въ русскомъ сектантствѣ, въ мистической народной жаждѣ, въ этомъ изступленномъ желаніи, чтобы «накатилъ Духъ». Россія—фантастическая страна духовнаго опьянѣнія, страна хлыстовъ, самосожигателей, духоборовъ, страна Кондратія Селиванова и Григорія Распутина, страна самозванцевъ и пугачевщины. Русской душѣ не сидится на мѣстѣ, это не мѣщанская душа, не мѣстная душа. Въ Россіи, въ душѣ народной есть какое-то безконечное исканіе, исканіе невидимаго града-Китижа, незримаго дома. Передъ русской душой открываются дали и нѣтъ очерченнаго горизонта передъ духовными ея очами. Русская душа сгораетъ въ пламенномъ исканіи правды, абсолютной, божественной правды и спасенія для всего міра и всеобщаго воскресенія къ новой жизни. Она вѣчно печалуется о горѣ и страданіи народа и всего міра, и мука ея не знаетъ утоленія. Душа эта поглощена рѣшеніемъ конечныхъ, проклятыхъ вопросовъ о смыслѣ жизни. Есть мятежность, непокорность въ русской душѣ, неутолимость и неудовлетворимость ничѣмъ временнымъ, относительнымъ и условнымъ. Все дальше и дальше должно итти, къ концу, къ предѣлу, къ выходу изъ этого «міра», изъ этой земли, изъ всего мѣстнаго,

мѣщанскаго, прикрѣпленнаго. Не разъ уже указывали на то, что самъ русскій атеизмъ религіозенъ. Героически настроенная интеллигенція шла на смерть во имя матеріалистическихъ идей. Это странное противорѣчіе будетъ понятно, если увидѣть, что подъ матеріалистическимъ обличіемъ она стремилась къ абсолютному и божественному. Славянскій бунтъ—пламенная, огненная стихія, невѣдомая другимъ расамъ. И Бакунинъ въ своей пламенной жаждѣ мірового пожара, въ которомъ все старое должно сгорѣть, былъ русскимъ, славяниномъ, былъ мессіанистомъ. Таковъ одинъ изъ тезисовъ о душѣ Россіи. Русская народная жизнь съ ея мистическими сектами, и русская литература и русская мысль, и жуткая судьба русскихъ писателей и судьба русской интеллигенціи, оторвавшейся отъ почвы и въ то же время столь характерно національной, все, все даетъ намъ право утверждать тотъ тезисъ, что Россія—страна безконечной свободы и духовныхъ далей, страна странниковъ, скитальцевъ и искателей, страна мятежная и жуткая въ своей стихійности, въ своемъ народномъ діонисизмѣ, не желающемъ знать формы.

А вотъ и антитезисъ. Россія—страна неслыханнаго сервилизма и жуткой покорности, страна лишенная сознанія правъ личности и не защищающая достоинства личности, страна инертнаго консерватизма, порабощенія религіозной жизни государствомъ, страна крѣпкаго быта и тяжелой плоти. Россія—страна купцовъ, погруженныхъ въ тяжелую плоть, стяжателей, консервативныхъ до неподвижности, страна чиновниковъ, никогда не переступающихъ предѣловъ замкнутаго и мертваго бюрократическаго

царства, страна крестьянъ, ничего не желающихъ кромѣ земли и принимающихъ христіанство совершенно внѣшне и корыстно, страна духовенства, погруженнаго въ матеріальный бытъ, страна обрядовѣрія, страна интеллигенщины, инертной и консервативной въ своей мысли, зараженной самыми поверхностными матеріалистическими идеями. Россія не любитъ красоты, боится красоты, какъ роскоши, не хочетъ никакой избыточности. Россію почти невозможно сдвинуть съ мѣста, такъ она отяжелѣла, такъ инертна, такъ лѣнива, такъ погружена въ матерію, такъ покорно мирится съ своей жизнью. Всѣ наши сословія, наши почвенные слои, дворянство, купечество, крестьянство, духовенство, чиновничество, всѣ не хотятъ и не любятъ восхожденія; всѣ предпочитаютъ оставаться въ низинахъ, на равнинѣ. Быть «какъ всѣ». Вездѣ личность подавлена въ органическомъ коллективѣ. Почвенные слои наши лишены правосознанія и даже достоинства, не хотятъ самодѣятельности и активности, всегда полагаются на то, что другіе все за нихъ сдѣлаютъ. И нашъ политическій революціонизмъ какъ-то несвободенъ, безплоденъ и инертенъ мыслью. Русская радикально-демократическая интеллигенція, какъ слой кристаллизованный, духовно-консервативна и чужда истинной свободѣ; она захвачена скорѣе идеей механическаго равенства, чѣмъ свободы. Инымъ кажется, что Россія обречена на рабство и что нѣтъ выхода для нея къ свободной жизни. Можно подумать, что личность не проснулась еще не только въ Россіи консервативной, но и въ Россіи революціонной, что Россія все еще остается страной безличнаго коллектива. Но необходимо понять, что

исконный русскій коллективизмъ есть лишь преходящее явленіе первоначальной стадіи натуральной эволюціи, а не вѣчное явленіе духа.

Какъ понять эту загадочную противорѣчивость Россіи, эту одинаковую вѣрность взаимоисключающихъ о ней тезисовъ? И здѣсь, какъ и вездѣ, въ вопросѣ о свободѣ и рабствѣ души Россіи, о ея странничествѣ и ея неподвижности, мы сталкиваемся съ тайной соотношенія мужественнаго и женственнаго. Корень этихъ глубокихъ противорѣчій — въ несоединенности мужественнаго и женственнаго въ русскомъ духѣ и русскомъ характерѣ. Безграничная свобода оборачивается безграничнымъ рабствомъ, вѣчное странничество — вѣчнымъ застоемъ, потому что мужественная свобода не овладѣваетъ женственной національной стихіей въ Россіи изнутри, изъ глубины. Мужественное начало всегда ожидается извнѣ, личное начало не раскрывается въ самомъ русскомъ народѣ. Отсюда вѣчная зависимость отъ инороднаго. Въ терминахъ философскихъ это значитъ, что Россія всегда чувствуетъ мужественное начало себѣ трансцендентнымъ, а не имманентнымъ, привходящимъ извнѣ. Съ этимъ связано то, что все мужественное, освобождающее и оформляющее было въ Россіи какъ бы не русскимъ, заграничнымъ, западно-европейскимъ, французскимъ или нѣмецкимъ или греческимъ въ старину. Россія какъ бы безсильна сама себя оформить въ бытіе свободное, безсильна образовать изъ себя личность. Возвращеніе къ собственной почвѣ, къ своей національной стихіи такъ легко принимаетъ въ Россіи характеръ порабощенности, приводитъ къ бездвижности, обращается въ реакцію. Россія невѣстится, ждетъ жениха, ко-

торый долженъ прійти изъ какой-то выси, но приходитъ не суженый, а нѣмецъ-чиновникъ и владѣетъ ею. Въ жизни духа владѣютъ ею: то Марксъ, то Кантъ, то Штейнеръ, то иной какой-нибудь иностранный мужъ. Россія, столь своеобразная, столь необычайнаго духа страна, постоянно находилась въ сервилистическомъ отношеніи къ западной Европѣ. Она не училась у Европы, что нужно и хорошо, не пріобщалась къ европейской культурѣ, что для нея спасительно, а рабски подчинялась Западу или въ дикой націоналистической реакціи громила Западъ, отрицала культуру. Богъ Апполонъ, богъ мужественной формы, все не сходилъ въ діонисическую Россію. А русскій діонисизмъ—варварскій, а не эллинскій. И въ другихъ странахъ можно найти всѣ противоположности, но только въ Россіи тезисъ оборачивается антитезисомъ, бюрократическая государственность рождается изъ анархизма, рабство рождается изъ свободы, крайній націонализмъ изъ сверхнаціонализма. Изъ этого безвыходнаго круга есть только одинъ выходъ: раскрытіе внутри самой Россіи, въ ея духовной глубинѣ мужественнаго, личнаго, оформляющаго начала, овладѣніе собственной національной стихіей, имманентное пробужденіе мужественнаго, свѣтоноснаго сознанія. И я хочу вѣрить, что нынѣшняя міровая война выведетъ Россію изъ этого безвыходнаго круга, пробудитъ въ ней мужественный духъ, покажетъ міру мужественный ликъ Россіи, установитъ внутренне должное отношеніе европейскаго востока и европейскаго запада.

II.

Нынѣ разразилась, наконецъ, давно жданная міровая борьба славянской и германской расы. Давно уже германизмъ проникалъ въ нѣдра Россіи, незамѣтно германизировалъ русскую государственность и русскую культуру, управлялъ тѣломъ и душой Россіи. Нынѣ германизмъ открыто идетъ войной на славянскій міръ. Германская раса — мужественная, самоувѣренно и ограниченно мужественная. Германскій міръ чувствуетъ женственность славянской расы и думаетъ, что онъ долженъ владѣть этой расой и ея землей, что только онъ силенъ сдѣлать эту землю культурной. Давно уже германизмъ подсылалъ своихъ свахъ, имѣлъ своихъ агентовъ и чувствовалъ Россію предназначенной себѣ. Весь петербургскій періодъ русской исторіи стоялъ подъ знакомъ внутренняго и внѣшняго вліянія нѣмцевъ. Русскій народъ почти уже готовъ былъ примириться съ тѣмъ, что управлять имъ и цивилизовать его могутъ только нѣмцы. И нужна была совершенно исключительная міровая катастрофа, нужно было сумасшествіе германизма отъ гордости и самомнѣнія, чтобы Россія осознала себя, стряхнула съ себя пассивность, разбудила въ себѣ мужественныя силы и почувствовала себя призванной къ великимъ дѣламъ въ мірѣ. Въ міровой борьбѣ съ германской расой нельзя противопоставить ей одну женственность и покорность славянъ. Нужно раскрыть въ себѣ мужественный ликъ подъ угрозой поглощенія германизмомъ. Война міра славянскаго и міра германскаго не есть только столкновеніе вооруженныхъ

сить на поляхъ битвы; она глубже, это—духовная война, борьба за господство разнаго духа въ мірѣ, столкновеніе и переплетеніе восточнаго и западнаго христіанскаго міра. Въ этой великой, поистинѣ міровой брани Россія не можетъ не осознать себя. Но самосознаніе ея должно быть и ея самоочищеніемъ. Самосознаніе предполагаетъ самокритику и самообличеніе. Никогда бахвальство не было самосознаніемъ, оно можетъ быть лишь полнымъ затменіемъ. Блестящій примѣръ полной утери истиннаго самосознанія и полной тьмы отъ бахвальства и самомнѣнія являетъ нынѣ Германія. Мужественное, свѣтоносное сознаніе народа—всегда критическое, всегда освобождающее отъ собственной тьмы и порабощенности, всегда есть овладѣніе хаотическими въ себѣ стихіями. И самосознаніе Россіи должно быть прежде всего освобожденнымъ отъ подвластности и порабощенности у собственной національной стихіи. А это значитъ, что русскій народъ въ отношеніи къ своей русской землѣ, долженъ быть мужественъ и свѣтоносенъ, долженъ владѣть землей и оформлять ея хаотическія стихіи, а не растворяться въ ней, не пассивно ей отдаваться. Это значитъ также, что человѣческое призвано господствовать надъ природнымъ, а не природное надъ человѣческимъ. Россія жила слишкомъ природной, недостаточно человѣческой жизнью, слишкомъ родовой, недостаточно личной жизнью. Личное человѣческое начало все еще не овладѣвало безличными природными стихіями земли. Эту свою исконную родовую біологію Россія переживала какъ исконную свою коллективную мистику и въ лицѣ иныхъ своихъ идеологовъ видѣла въ этомъ свое преимущество передъ западной Евро-

ной. Россія въ массѣ своей исповѣдывала религію родовой плоти, а не религію духа, смѣшивала родовой, природный коллективизмъ съ коллективизмомъ духовнымъ, сверхприроднымъ. Но — таинственная страна противорѣчій, Россія таила въ себѣ пророческій духъ и предчувствіе новой жизни и новыхъ откровеній.

Въ этотъ рѣшительный для русскаго сознанія часъ необходимо ясно и мужественно сознать подстерегающія насъ опасности. Война можетъ принести Россіи великія блага, не матеріальныя только, но и духовныя блага. Она пробуждаетъ глубокое чувство народнаго, національнаго единства, преодолѣваетъ внутренній раздоръ и вражду, мелкіе счеты партій, выявляетъ ликъ Россіи, куетъ мужественный духъ. Война изобличаетъ ложь жизни, сбрасываетъ покровы, свергаетъ фальшивыя святыни. Она—великая проявительница. Но она несетъ съ собой и опасность. Россія можетъ попасть въ плѣнъ ложнаго націонализма и истинно нѣмецкаго шовинизма. Она можетъ плѣниться идеалами буржуазнаго имперіализма, всегда нерусскаго по духу,—соблазномъ мірового господства. Она можетъ заразиться духомъ милитаризма, тоже чуждаго славянской расѣ. Война несетъ съ собой опасность огрубенія. И всего болѣе должна быть Россія свободна отъ ненависти къ Германіи, отъ порабощающихъ чувствъ злобы и мести, отъ того отрицанія цѣннаго въ духовной культурѣ врага, которое есть лишь другая форма рабства. Хочется вѣрить, что всего этого не будетъ, но нехорошо закрывать себѣ глаза на эти возможности. Въ русской національной стихіи есть какая-то вѣчная опасность быть въ плѣну, быть покорной тому, что внѣ ея. И истиннымъ возрожде-

ніемъ Россіи можетъ быть лишь радикальное освобожденіе отъ всякаго плѣна, отъ всякой подавленности и порабощенности внѣшнему, внѣположному, инородному, т.-е. раскрытіемъ въ себѣ внутренней мужественности, внутренняго свѣта, духа царственнаго и творящаго. Война освободитъ насъ, русскихъ, отъ рабскаго и подчиненнаго отношенія къ Германіи, отъ нездороваго, надрывного отношенія къ Западной Европѣ, какъ къ чему-то далекому и внѣшнему, предмету то страстной влюбленности и мечты, то погромной ненависти и страха. Западная Европа и западная культура станетъ для Россіи имманентной; Россія станетъ окончательно Европой, и именно тогда она будетъ духовно самобытной и духовно независимой. Европа перестанетъ быть монополистомъ культуры. Міровая война, въ кровавый круговоротъ которой вовлечены уже всѣ части свѣта и всѣ расы, должна въ кровавыхъ мукахъ родить твердое сознаніе всечеловѣческаго единства. Культура перестанетъ быть столь исключительно европейской и станетъ міровой, универсальной. И Россія, занимающая мѣсто посредника между Востокомъ и Западомъ, являющаяся Востоко-Западомъ, призвана сыграть великую роль въ приведеніи человѣчества къ единству. Міровая война жизненно подводитъ насъ къ проблемѣ русскаго мессіанизма.

Мессіанское сознаніе не есть націоналистическое сознаніе; оно глубоко противоположно націонализму: это — универсальное сознаніе. Мессіанское сознаніе имѣетъ свои корни въ религіозномъ сознаніи еврейскаго народа, въ переживаніи Израилемъ своей богоизбранности и единственности. Мессіанское сознаніе есть сознаніе избраннаго народа Божьяго, на-

рода, въ которомъ долженъ явиться Мессія и черезъ который долженъ быть міръ спасенъ. Богоизбранный народъ—мессія среди народовъ, единственный народъ съ мессіанскимъ призваніемъ и предназначеніемъ. Всѣ другіе народы—низшіе народы, не избранные, народы съ обыкновенной, не мистической судьбой. Всѣ народы имѣютъ свое призваніе, свое назначеніе въ мірѣ, но только одинъ народъ можетъ быть избранъ для мессіанской цѣли. Народъ мессіанскаго сознанія и назначенія также одинъ, какъ одинъ Мессія. Мессіанское сознаніе—міровое и сверхнаціональное. Въ этомъ есть аналогія съ идеей римской имперіи, которая также универсальна и сверхнаціональна, какъ и древне-еврейскій мессіанизмъ. Это всемірное по своимъ притязаніямъ мессіанское сознаніе евреевъ было оправдано тѣмъ, что Мессія явился въ нѣдрахъ этого народа, хотя и былъ отвергнутъ имъ. Но послѣ явленія Христа мессіанизмъ въ древне-еврейскомъ смыслѣ становится уже невозможнымъ для христіанскаго міра. Для христіанина нѣтъ ни эллина, ни іудея. Одного избраннаго народа Божьяго не можетъ быть въ христіанскомъ мірѣ. Христосъ пришелъ для всѣхъ народовъ и всѣ народы имѣютъ передъ судомъ христіанскаго сознанія свою судьбу и свой удѣлъ. Христіанство не допускаетъ народной исключительности и народной гордости, осуждаетъ то сознаніе, по которому мой народъ выше всѣхъ народовъ и единственный религіозный народъ. Христіанство есть окончательное утвержденіе единства человѣчества, духа всечеловѣчности и всемірности. И это было вполнѣ осознано католичествомъ, хотя и скрѣплено съ относительными тѣлесно-историческими явленіями (папизмъ).

Мессіанское сознаніе есть сознаніе пророческое, мессіанское самочувствіе—пророческое самочувствіе. Въ немъ—соль религіозной жизни, и соль эта получена отъ еврейскаго народа. Это пророческое мессіанское сознаніе не исчезаетъ въ христіанскомъ мірѣ, но претворяется и преображается. И въ христіанскомъ мірѣ возможенъ пророческій мессіанизмъ, сознаніе исключительнаго религіознаго призванія какого-нибудь народа, возможна вѣра, что черезъ этотъ народъ будетъ сказано міру слово новаго откровенія. Но христіанскій мессіанизмъ долженъ быть очищенъ отъ всего не христіанскаго, отъ національной гордости и самомнѣнія, отъ сбиванія на путь стараго еврейскаго мессіанизма съ одной стороны и новаго буржуазнаго націонализма съ другой. Христіанское мессіанское сознаніе не можетъ быть утвержденіемъ того, что одинъ лишь русскій народъ имѣетъ великое религіозное призваніе, что онъ одинъ—христіанскій народъ, что онъ одинъ избранъ для христіанской судьбы и христіанскаго удѣла, а всѣ остальные народы—низшіе, не христіанскіе и лишены религіознаго призванія. Въ такомъ самомнѣніи нѣтъ ничего христіанскаго. Ничего христіанскаго не было въ вѣчномъ припѣвѣ славянофиловъ о гніеніи Запада и отсутствіи у него христіанской жизни. Такая юдаизація христіанства возвращаетъ насъ отъ Новаго Завѣта къ Ветхому Завѣту. Юдаизмъ въ христіанствѣ есть вѣчно подстерегающая опасность, отъ которой нужно очищаться. А всякій исключительный религіозный націонализмъ, всякое религіозно-національное самомнѣніе есть юдаизмъ въ христіанствѣ. Крайняя націонализація церкви и есть юдаизмъ внутри христіанства. И въ русскомъ

христіанствѣ есть много іудаистическихъ элементовъ, много ветхозавѣтнаго.

Христіанское мессіанское сознаніе можетъ быть лишь сознаніемъ того, что въ наступающую міровую эпоху Россія призвана сказать свое новое слово міру, какъ сказалъ его уже міръ латинскій и міръ германскій. Славянская раса, во главѣ которой стоитъ Россія, должна раскрыть свои духовныя потенціи, выявить свой пророчественный духъ. Славянская раса идетъ на смѣну другимъ расамъ, уже сыгравшимъ свою роль, уже склоняющимся къ упадку; это—раса будущаго. Всѣ великіе народы проходятъ черезъ мессіанское сознаніе. Это совпадаетъ съ періодами особеннаго духовнаго подъема, когда судьбами исторіи данный народъ призывается совершить что-либо великое и новое для міра. Такое мессіанское сознаніе было въ Германіи въ началѣ XIX вѣка. А нынѣ мы присутствуемъ при концѣ германскаго мессіанизма, при полномъ исчерпаніи его духовныхъ силъ. Въ христіанской исторіи нѣтъ одного избраннаго народа Божьяго, но разные народы въ разное время избираются для великой миссіи, для откровеній духа. Въ Россіи давно уже нарождалось пророческое чувствованіе того, что настанетъ часъ исторіи, когда она будетъ призвана для великихъ откровеній духа, когда центръ міровой духовной жизни будетъ въ ней. Это не еврейскій мессіанизмъ. Такое пророческое чувствованіе не исключаетъ великаго избранія и предназначенія другихъ народовъ; оно есть лишь продолженіе и восполненіе дѣлъ, сотворенныхъ всѣми народами христіанскаго міра. Это русское мессіанское сознаніе было замутнено, плѣнено языческой національной

стихіей и искажено пережитками сознанія юдаистическаго. Русское сознаніе должно очиститься и освободиться отъ этого языческаго и юдаистическаго плѣна. А это значитъ, что русская мысль и русская жизнь должны быть радикально освобождены отъ мертвенныхъ и мертвящихъ сторонъ славянофильства, не только оффиціальнаго, но и народнаго. Въ славянофильствѣ была своя правда, которую всегда хорошо было противопоставлять западничеству. Она сохранится. Но много было фальши и лжи, много рабства у матеріальнаго быта, много «возвышающихъ обмановъ» и идеализацій, задерживающихъ жизнь духа.

Россія не можетъ опредѣлять себя, какъ Востокъ, и противополагать себя Западу. Россія должна сознавать себя и Западомъ, Востоко-Западомъ, соединителемъ двухъ міровъ, а не раздѣлителемъ. Владиміръ Соловьевъ духовно покончилъ съ старымъ славянофильствомъ, съ его ложнымъ націонализмомъ и исключительнымъ восточничествомъ. И послѣ дѣла Вл. Соловьева христіанскій универсализмъ долженъ считатся окончательно утвержденнымъ въ сознаніи. Всякій партикуляризмъ по существу не христіанской природы. Исключительное господство восточной стихіи въ Россіи всегда было рабствомъ у женственнаго природнаго начала и кончалось царствомъ хаоса, то реакціоннаго, то революціоннаго. Россія, какъ самоутверждающійся Востокъ, Россія національно самодовольная и исключительная — означаетъ нераскрытость, невыявленность начала мужественнаго, человѣческаго и личнаго, рабство у начала природно-стихійнаго, національно-родового, традиціонно-бытового. Въ сознаніи религіозномъ это

означаетъ абсолютизацію и обожествленіе тѣлесно-относительнаго, довольство животной теплотой національной плоти. Въ этомъ—вѣчный соблазнъ и великая опасность Россіи. Женственность славянъ дѣлаетъ ихъ мистически чуткими, способными прислушиваться къ внутреннимъ голосамъ. Но исключительное господство женственной стихіи мѣшаетъ имъ выполнить свое призваніе въ мірѣ. Для русскаго мессіанизма нуженъ мужественный духъ,— безъ него опять и опять будетъ провалъ въ эту плѣнительную и затягивающую первородную стихію русской земли, которая ждетъ своего просвѣтлѣнія и оформленія. Но конецъ славянофильства есть также конецъ и западничества, конецъ самаго противоположенія Востока и Запада. И въ западничествѣ былъ партикуляризмъ и провинціализмъ, не было вселенскаго духа. Западничество означало какое-то нездоровое и немужественное отношеніе къ Западу, какую-то несвободу и безсиліе почувствовать себя дѣйственной силой и для самаго Запада. Русское самосознаніе не можетъ быть ни славянофильскимъ, ни западническимъ, такъ какъ обѣ эти формы означаютъ несовершеннолѣтіе русскаго народа, его незрѣлость для жизни міровой, для міровой роли. На Западѣ не можетъ быть западничества, тамъ невозможна эта мечта о Западѣ, какъ о какомъ-то высшемъ состояніи. Высшее состояніе не есть Западъ, какъ не есть и Востокъ; оно не географично и матеріально ничѣмъ не ограничено. Міровая война должна преодолѣть существованіе Россіи, какъ исключительнаго Востока, и Европы, какъ исключительнаго Запада. Человѣчество выйдетъ изъ этихъ ограниченій. Россія войдетъ въ міровую жизнь

опредѣляющей силой. Но міровая роль Россіи предполагаетъ пробужденіе въ ней творческой активности человѣка, выходъ изъ состоянія пассивности и растворенности. Уже въ Достоевскомъ, вѣчно двоящемся, есть пророчество объ откровеніи человѣка, объ исключительномъ по остротѣ антропологическомъ сознаніи. Истинный русскій мессіанизмъ предполагаетъ освобожденіе религіозной жизни, жизни духа отъ всякой закрѣпощенности у началъ національныхъ и государственныхъ, отъ всякой прикованности къ матеріальному быту, къ исторически-традиціонному. Россія должна пройти черезъ религіозную эмансипацію личности. Русскій мессіанизмъ можетъ опираться лишь на русское странничество, скитальчество и исканіе, на русскую мятежность и неутолимость духа, на Россію пророческую, на русскихъ—града своего не имѣющихъ, града грядущаго взыскующихъ. Русскій мессіанизмъ не можетъ быть связанъ съ Россіей консервативно-бытовой, инертно-косной, Россіей отяжелѣвшей въ своей національной плоти, съ Россіей охраняющей обрядовѣріе, съ русской исторической государственностью и церковностью, съ русскими—довольными своимъ градомъ, градомъ языческимъ, и страшащимися града грядущаго.

Все своеобразіе славянской и русской мистики—въ исканіи града Божьяго, града грядущаго, въ ожиданіи сошествія на землю Небеснаго Іерусалима, въ жаждѣ всеобщаго спасенія и всеобщаго блага, въ апокалиптической настроенности. Эти апокалиптическія, пророчественныя ожиданія находятся въ глубокомъ противорѣчіи съ тѣмъ чувствомъ, что русскіе уже градъ свой имѣютъ, и что градъ этотъ—«святая Русь». А

на этомъ бытовомъ и удовлетворенномъ чувствѣ основывалось въ значительной степени славянофильство и основывается вся наша правая религіозно-національная идеологія. Религія священства,—охраненія того, что есть, сталкивается въ духѣ Россіи съ религіей пророчества,—взысканія грядущей правды. Здѣсь одно изъ коренныхъ противорѣчій Россіи. И если можно многое привести въ защиту того тезиса, что Россія—страна охраненія религіозной святыни по преимуществу и въ этомъ ея религіозная миссія, то не меньше можно привести въ защиту того антитезиса, что Россія по преимуществу страна религіознаго алканія, духовной жажды, пророческихъ предчувствій и ожиданій. Въ лицѣ Достоевскаго воплощена эта религіозная антиномія Россіи. У него два лика: одинъ обращенъ къ охраненію, къ закрѣпощенію національно-религіознаго быта, выдаваемаго за подлинное бытіе,—образъ духовной сытости, а другой ликъ—пророческій, обращенный къ граду грядущему,—образъ духовнаго голода. Противорѣчіе и противоборство духовной сытости и духовнаго голода—основное для Россіи и изъ него объяснимы многія другія противорѣчія Россіи. Духовная сытость дается пассивной отдачей себя женственной національной стихіи. Это не есть насыщеніе Божественной пищей, это все еще натуралистическое насыщеніе. Духовный голодъ, неудовлетворенность натуралистической національной пищей, есть знакъ освобожденія мужественнаго начала личности. То же противорѣчіе, которое мы видимъ въ національномъ геніи Достоевскомъ, видимъ мы и въ русской народной жизни, въ которой всегда видны два образа. Духовная сытость, охраненіе ста-

раго, бытовое и внѣшне-обрядовое пониманіе христіанства—одинъ образъ народной религіозной жизни. Духовный голодъ, пророческія предчувствія, мистическая углубленность на вершинахъ православія, въ иныхъ сторонахъ нашего сектантства и раскола, въ странничествѣ—другой образъ народной религіозной жизни. Русская мистика, русскій мессіанизмъ связаны со вторымъ образомъ Россіи, съ ея духовнымъ голодомъ и жаждой божественной правды на землѣ, какъ и на небѣ. Апокалиптическая настроенность глубоко отличаетъ русскую мистику отъ мистики германской, которая есть лишь погруженіе въ глубину духа и которая никогда не была устремленіемъ къ Божьему граду, къ концу, къ преображенію міра. Но русская апокалиптическая настроенность имѣетъ сильный уклонъ къ пассивности, къ выжидательности, къ женственности. Въ этомъ сказывается характерная особенность русскаго духа. Пророчественная русская душа чувствуетъ себя пронизанной мистическими токами. Въ народной жизни это принимаетъ форму ужаса отъ ожиданія антихриста. Въ послѣднее время эти подлинныя народныя религіозныя переживанія проникли и въ наши культурныя религіозно-философскія теченія, но уже въ отраженной и слишкомъ стилизованной, искусственной формѣ. Образовался даже эстетическій культъ религіозныхъ ужасовъ и страховъ, какъ вѣрный признакъ мистической настроенности. И въ этомъ опять нѣтъ того мужественнаго, активнаго и творящаго духа, который всего болѣе нуженъ Россіи для выполненія міровой задачи, къ которой она призвана. Россія пророческая должна перейти отъ ожиданія къ созиданію, отъ жуткаго ужаса къ духовному дерзновенію.

Слишкомъ ясно, что Россія не призвана къ благополучію, къ тѣлесному и духовному благоустройству, къ закрѣпленію старой плоти міра. Въ ней нѣтъ дара созиданія средней культуры, и этимъ она дѣйствительно глубоко отличается отъ странъ Запада, отличается не по отсталости своей, а по духу своему.

Здѣсь тайна русскаго духа. Духъ этотъ устремленъ къ послѣднему и окончательному, къ абсолютному во всемъ; къ абсолютной свободѣ и къ абсолютной любви. Но въ природно-историческомъ процессѣ царитъ относительное и среднее. И потому русская жажда абсолютной свободы на практикѣ слишкомъ часто приводитъ къ рабству въ относительномъ и среднемъ и русская жажда абсолютной любви—къ враждѣ и ненависти. Для русскихъ характерно какое-то безсиліе, какая-то бездарность во всемъ относительномъ и среднемъ. А исторія культуры и общественности вся вѣдь въ среднемъ и относительномъ; она не абсолютна и не конечна. Такъ какъ царство Божіе есть царство абсолютнаго и конечнаго, то русскіе легко отдаютъ все относительное и среднее во власть царства діавола. Черта эта очень національно-русская. Добыть себѣ относительную общественную свободу русскимъ трудно не потому только, что въ русской природѣ есть пассивность и подавленность, но и потому, что русскій духъ жаждетъ абсолютной Божественной свободы. Поэтому же трудно русскимъ создавать относительную культуру, которая всегда есть дѣло предпослѣднее, а не послѣднее. Русскіе постоянно находятся въ рабствѣ въ среднемъ и въ относительномъ и оправдываютъ это тѣмъ, что въ окончательномъ и абсолютномъ они свободны. Тутъ скрытъ одинъ

изъ глубочайшихъ мотивовъ славянофильства. Славянофилы хотѣли оставить русскому народу свободу религіозной совѣсти, свободу думы, свободу духа, а всю остальную жизнь отдать во власть силы неограниченно управляющей русскимъ народомъ. Достоевскій въ легендѣ о «Великомъ Инквизиторѣ» провозгласилъ неслыханную свободу духа, абсолютную религіозную свободу во Христѣ. И Достоевскій же готовъ былъ не только покорно мириться, но и защищать какое угодно общественное рабство. По иному, но та же русская черта сказалась и у нашихъ революціонеровъ-максималистовъ, требующихъ абсолютнаго во всякой относительной общественности и не способныхъ создать свободной общественности. Тутъ мы съ новой стороны подходимъ къ основнымъ противорѣчіямъ Россіи. Это все та же разобщенность мужественнаго и женственнаго начала въ нѣдрахъ русской стихіи и русскаго духа. Русскій духъ, устремленный къ абсолютному во всемъ, не овладѣваетъ мужественно сферой относительнаго и серединнаго, онъ отдается во власть внѣшнихъ силъ. Такъ въ серединной культурѣ онъ всегда готовъ отдаться во власть германизма, германской философіи и науки. То же и въ государственности, по существу серединной и относительной. Русскій духъ хочетъ священнаго государства въ абсолютномъ и готовъ мириться съ звѣринымъ государствомъ въ относительномъ. Онъ хочетъ святости въ жизни абсолютной и только святость его плѣняетъ, и онъ же готовъ мириться съ грязью и низостью въ жизни относительной. Поэтому святая Русь имѣла всегда обратной своей стороной Русь звѣриную. Россія какъ бы всегда хотѣла лишь

ангельскаго и звѣрскаго и недостаточно раскрывала въ себѣ человѣческое. Ангельская святость и звѣрская низость—вотъ вѣчныя колебанія русскаго народа, невѣдомыя болѣе среднимъ западнымъ народамъ. Русскій человѣкъ упоенъ святостью и онъ же упоенъ грѣхомъ, низостью. Смиренная грѣховность, не дерзающая слишкомъ подыматься, такъ характерна для русской религіозности. Въ этомъ чувствуется упоеніе отъ погруженія въ теплую національную плоть, въ низинную земляную стихію. Такъ и самопророческое, мессіанское въ русскомъ духѣ, его жажда абсолютнаго, жажда преображенія, оборачивается какой-то порабощенностью. Я пытался характеризовать всѣ противорѣчія Россіи и свести ихъ къ единству. Это путь къ самосознанію, къ осознанію того, что нужно Россіи для раскрытія ея великихъ духовныхъ потенцій, для осуществленія ея міровыхъ задачъ.

Какъ человѣкъ долженъ относиться къ землѣ своей, русскій человѣкъ къ русской землѣ? Вотъ наша проблема. Образъ родной земли не есть только образъ матери, это также—образъ невѣсты и жены, которую человѣкъ оплодотворяетъ своимъ логосомъ, своимъ мужественнымъ свѣтоноснымъ и оформляющимъ началомъ, и образъ дитяти. Прежде всего человѣкъ долженъ любить свою землю, любить во всѣхъ ея противорѣчіяхъ, съ ея грѣхами и недостатками. Безъ любви къ своей землѣ человѣкъ безсиленъ что-нибудь сотворить, безсиленъ овладѣть землей. Безъ стихіи земли мужественный духъ безсиленъ. Но любовь человѣка къ землѣ не есть рабство человѣка у земли, не есть пассивное въ нее погруженіе и раствореніе въ ея стихіи. Любовь человѣка къ землѣ должна быть мужественной. Му-

жественная любовь есть выходъ изъ натуралистической зависимости, изъ родовой погруженности въ стихійный первородный коллективизмъ. Въ Россіи все еще слишкомъ господствуетъ не только натуральное хозяйство въ ея матеріальной жизни, но и натуральное хозяйство въ ея духовной жизни. Изъ этого періода натуральнаго хозяйства въ мукахъ выходитъ русскій народъ и процессъ этотъ болѣзненъ и мучителенъ. Русское отщепенство и скитальчество связано съ этимъ отрываніемъ отъ родовой натуралистической зависимости, принятой за высшее состояніе. Отрывъ этотъ не есть отрывъ отъ родной земли. И русскіе отщепенцы и скитальцы остаются русскими, характерно національными. Наша любовь къ русской землѣ, многострадальной и жертвенной, превышаетъ всѣ эпохи, всѣ отношенія и всѣ идеологическія построенія. Душа Россіи—не буржуазная душа,—душа не склоняющаяся передъ золотымъ тельцомъ, и уже за одно это можно любить ее безконечно. Россія дорога и любима въ самихъ своихъ чудовищныхъ противорѣчіяхъ, въ загадочной своей антиномичности, въ своей таинственной стихійности. Это всѣ почувствовали, когда началась война.

Но русская стихія требуетъ оформляющаго и свѣтоносящаго логоса. Недостатокъ мужественнаго характера и того закала личности, который на Западѣ вырабатывался рыцарствомъ,—самый опасный недостатокъ русскихъ и русскаго народа и русской интеллигенціи. Сама любовь русскаго человѣка къ родной землѣ принимала форму препятствующую развитію мужественнаго личнаго духа. Во имя этой любви, во имя припаданія къ лону матери отвергалось въ Россіи рыцарское начало. Русскій духъ былъ

окутанъ плотнымъ покровомъ національной матери, онъ тонулъ въ теплой и влажной плоти. Русская душевность, столь хорошо всѣмъ извѣстная, связана съ этой теплотой и влажностью; въ ней много еще плоти и недостаточно духа. Но плоть и кровь не наслѣдуютъ вѣчности, и вѣчной можетъ быть лишь Россія духа. Россія духа можетъ быть раскрыта лишь путемъ мужественной жертвы жизнью въ животной теплотѣ коллективной родовой плоти. Тайна Россіи можетъ быть разгадана лишь освобожденіемъ ея отъ искажающаго рабства у темныхъ стихій. Въ очистительномъ огнѣ мірового пожара многое сгоритъ, истлѣютъ ветхія матеріальныя одежды міра и человѣка. И тогда возрожденіе Россіи къ новой жизни можетъ быть связано лишь съ мужественными, активными и творящими путями духа, съ раскрытіемъ Христа внутри человѣка и народа, а не съ натуралистической родовой стихіей, вѣчно влекущей и порабощающей. Это—побѣда огня духа надъ влагой и тепломъ душевной плоти. Въ Россіи въ силу религіознаго ея характера, всегда устремленнаго къ абсолютному и конечному, человѣческое начало не можетъ раскрыться въ формѣ гуманизма, т.-е. безрелигіозно. И на Западѣ гуманизмъ исчерпалъ, изжилъ себя, пришелъ къ кризису, изъ котораго мучительно ищетъ западное человѣчество выхода. Повторять съ запозданіемъ западный гуманизмъ Россія не можетъ. Въ Россіи откровеніе человѣка можетъ быть лишь религіознымъ откровеніемъ, лишь раскрытіемъ внутренняго, а не внѣшняго человѣка, Христа внутри. Таковъ абсолютный путь Россіи, въ которомъ все должно итти отъ внутренняго, а не отъ внѣшняго. Таково призваніе сла-

рянства. Въ него можно только вѣрить, его доказать нельзя. Русскій народъ нужно болѣе всего призывать къ религіозной мужественности не на войнѣ только, но и въ жизни мирной, гдѣ онъ долженъ быть господиномъ своей земли. Мужественность русскаго народа не будетъ отвлеченной, оторваной отъ женственности, какъ у германцевъ. Есть тайна особенной судьбы въ томъ, что Россія съ ея аскетической душой должна быть великой и могущественной. Не слабой и маленькой, а сильной и большой побѣдитъ она соблазнъ царства этого міра. Лишь жертвенность большого и сильнаго, лишь свободное его уничиженіе въ этомъ мірѣ спасаетъ и искупляетъ. Русское національное самосознаніе должно полностью вмѣстить въ себя эту антиномію: русскій народъ по духу своему и по призванію своему сверхгосударственный и сверхнаціональный народъ, по идеѣ своей, не любящій «міра» и того, что въ мірѣ», но ему дано могущественнѣйшее національное государство для того, чтобы жертва его и отреченіе были вольными, были отъ силы, а не отъ безсилія. Но антиномія русскаго бытія должна быть перенесена внутрь русской души, которая станетъ мужественно-жертвенной, въ себѣ самой изживающей таинственную свою судьбу. Раскрытіе мужественнаго духа въ Россіи не можетъ быть прививкой къ ней срединной западной культуры. Русская культура можетъ быть лишь конечной, лишь выходомъ за грани культуры. Мужественный духъ потенціально заключенъ въ Россіи пророческой, въ русскомъ странничествѣ и русскомъ исканіи правды. И внутренно онъ соединится съ женственностью русской земли.